

НЕПРИЯТНОСТИ С ЛИТЕРАТУРОЙ. Мао II

*Кто время целовал в измученное темя,
С сыновней нежностью потом
Тот будет вспоминать, как спать ложилось время
В сугроб пшеничный за окном.*

«Неприятности с физикой» - так назвал свое исследовательское эссе теоретик Ли Смолин, много лет посвятивший теории струн. Возвращенная американским капиталом теория струн стала чуждой эксперименту, она стала чуждой сообществу физиков, чуждой физике. Отчуждены сами физики.

«... Всё чаще замечаю: всё, что раньше интересовало и мотивировало, теряет смысл. Можно было бы предположить, что это возрастное (кризис среднего возраста), однако я наблюдаю такое же состояние и у многих окружающих людей самых разных возрастов и характеров. Дети? Любой заводящий потомство увеличивает кормовую базу для т.н. элиты, одаривая её очередным рабом. Появляется даже обратный смысл - не давать эксплуататорам возможность увеличить эту "кормовую базу". В любом случае твоего ребенка втянет в окружающий враждебный мир, душа его будет искалечена, разум изуродован. Помощь людям? Сизифов труд, глас вопиющего в пустыне. Наука? Она никому не нужна. В будущем за ученую степень будут давать в морду. Богатство? Нет ничего более бессмысленного, если отсутствуют прочие смыслы. Эмигрировать? Уже некуда» - пишет неизвестный автор.

Энгельс писал, что произведения Бальзака дали ему для понимания буржуазного общества того времени даже в смысле экономических деталей больше, чем историки и экономисты.
Минуло столетие.

Ушел зной, влажность опустилась на мертвый город. Уже никогда женщина не посмотрит на мужчину тем взглядом, что смотрит Струйская на портрете кисти Рокотова. Чтоб создать видимость выражения глаз, режиссер указывает смотреть искоса или исподлобья, глаза – не глаза, а гляделки, пуговицы.

Хотел бы ты перечитать роман, как перечитывать книги Фолкнера, Достоевского, Теккерея или Кортасара, хотел ли быть рядом с его героями, с сектанткой Карен, с ее сумасшедшими родителями и братом уголовником, с подсевшим на психостимуляторы Биллом Греем и его слугой Скоттом, окунуться в смог никотина от Бриты... Эти люди чужды тебе.

Сам дон Делилло и его «Мао II» - отражение в литературе чуждого человечества.

Дональд Ричард «Дон» Делилло, 1936 года рождения - американский писатель, как утверждают - постмодернист, хотя сам он себя относит – это тонко! - к модернизму. Однако некоторая взвинченность, мрачность, алогичность отображения мира – не есть течение, называемое модернизмом и постмодернизмом, ибо ту же черту можно обнаружить и у Достоевского, и у Салтыкова-Щедрина, и у Ремарка, и у Габриэль Гарсиа Маркеса, и даже у Джека Лондона. Утверждают, что Делилло - видный писатель, предсказал теракт 11 сентября. Пишут, что у него филигранный стиль.

В произведении 1997 года «Underworld» в форме старого спортивного обозрения повествуется о бейсбольном мяче, удар по которому завершил знаменитый матч 3.10.1951 между Нью-йоркскими командами «Доджерс» и «Джайентс». В этот день СССР произвел 2-й испытательный взрыв атомной бомбы. Траектории мяча-вымпела - не просто судьбы его последовательных владельцев, это траектория мира, история холодной войны, причем реальная, не газетная история. В 2006 году «Нью-Йорк Таймс» включил этот роман в список лучших американских книг, написанных за последние 25 лет. В романе всё свалено в кучу: СМИ, потребительство, религии, экология, терроризм, СПИД, конспирология, постмодерн, причем история обращена вспять. Несколько натянуто фаллический образ МБР связывается с сексуальными неврозами и со СПИД, подземный (underworld) царь Плутон – с «царем» XX века плутонием.

Повесть «The Silence» переносит будущий в 2022 год, снова катастрофа - которая отключила по всему миру цифровую связь.

«Имена» - семейный роман, герои живут в Греции, плохо знают язык. Тайное общество под лозунгом святости языка устраивает теракты. В романе – чудесная зарисовка, Джеймс Экстон, рассказчик Имен: «Туризм - это марш глупости. От тебя ожидают, что ты будешь глупым. Весь механизм принимающей страны ориентирован на то, чтобы путешественники вели себя глупо. Ты ходишь ошеломленный, шураясь на разложенные карты. Вы не знаете, как куда-нибудь добраться, что означают деньги, сколько сейчас времени, что есть или как есть ... Вместе с тысячами вам предоставляются иммунитеты и широкие свободы. Вы - армия дураков, одетых в яркие полиэстеры, едущих верхом на верблюдах, фотографирующих друг друга, изможденных, страдающих дисцентризмом, испытывающих жажду. Не о чем думать, кроме как о следующем бесформенном событии».

Тема манипулирования массовым сознанием с помощью СМИ, в первую очередь, телевидения – в романе «Белый шум». Описывается экологическая катастрофа, в небе возникает токсичное облако, действующее как психотомиметик, все начинают постоянно думать о смерти. Телевизор не несет связную информацию, к навязчивости рекламы, отмеченной еще Бредбери в «451 по Фаренгейту», добавляется фактор, который мешает восприятию полезного сигнала. Вы будете смеяться, но в 1985-м Делилло получил за этот анамнез капиталистической демократии Национальную книжную премию. Характерно, что Джек Глэдни, главный герой романа - преподаватель в провинциальном колледже «Блэксмит», основатель кафедры гитлероведения.

Не для того есть, чтобы жить, а жить для того, чтобы есть: Делилло рисует общество потребления, где люди измеряют уровень благосостояния района расстоянием до ближайшего супермаркета. Делилло доводит рисунок до гротеска: пенсионеры зашли в супермаркет, заблудились между продуктовыми стеллажами и несколько дней там жили.

В романе «Весы» писатель откликается на убийство Джона Кеннеди. Казалось бы, Делилло сам подвержен белому шуму: в основу сюжета положена судьба Ли Харви Освальда. Но автор идет против мейнстрима: сначала он пишет историю о заговоре ЦРУ, спланировавшего фабрикацию покушения на Кеннеди без цели убийства, затем пишет историю архивиста Николаса Брэнча, собирающего информацию о покушении. Брэнч постоянно наталкивается на нестыковки в следствии. Все, кто был связан с Освальдом, погибли не своей смертью и т.д.

Таким образом, уже если говорить о предсказаниях, Делилло предсказал не теракт 11 сентября, он предвидел фальсификацию теракта 11 сентября.

В 2003-м Делилло опубликовал эссе «Космополис» - миллиардер едет в парикмахерскую подстричься, всё действие занимает один день. И опять же СМИ решили, что это пророчество, якобы писатель предсказал кризис. Кризисы – типичны для капитализма, но СМИ говорили только о 2008, ибо в эссе – бынты на Уолл-стрит и обрушения акций. Но бесконечная дорожная пробка – это, скорее, дефолт 2001 года в Аргентине, когда вследствие расслоения населения по доходам было продано столько автомобилей, что пробки возникли даже на Пан Америкэн.

Действие эссе «Ноль К», «Zero К» - происходит в России, в лаборатории под Челябинском. Главный герой – в ожидании: его смертельно больную мачеху должны ввести в состояние анабиоза, когда найдут лекарство от ее болезни, ее разморозят.

Миф о теракте

«Падающий» - рассказ душевных переживаниях свидетеля катастрофы 11 сентября. Остановимся на этом произведении подробнее.

Стержень, на который всё нанизывается – Падающий, т.е. дурак, который всех пугает тем, что падает с высоты, а на самом деле у него сзади трос.

Роман начинается с «катастрофы», ее своими глазами видит главный герой, Кит Нойдекер, он находился рядом с башнями-близнецами, когда одна обрушилась, а вторая еще нет. Кит – американец, то есть, человек с ограниченными умственными способностями. Он не задает себе вопрос: каким

образом башня. Рассчитанная на попадание самолета, обрушилась, почему вторая башня, в которую вообще самолеты не попадали. Тоже обрушилась, а за ними и стояща поодаль башня – тоже обрушилась. Почему от самолета, попавшего в здание Пентагона, не осталось обломка и даже следов горючего не зафиксировано. Кит обучался в американской школе, воспитан на фильмах Голливуда, где плюют на закон сохранения импульса – в фильмах от выстрела ремингтона жертва отлетает на пять метров и проламывает собой стенку - поэтому таких вопросов в голове Кита не возникает.

«Даже в Нью-Йорке... я тоскую по Нью-Йорку», - пишет Делилло. Нью-Йорк пуст, но эта пустота – и в самом Делилло.

Текст внавал, сплошь, без затемнений, сцены ничем не разделены, связи между ними нет ни во времени, ни в пространстве. Не поток сознания, а мусорная куча событий.

Идет Он, оторопелый, в ступоре, ужасающийся. Она, сидит и думает «об этом». Приятельница пару недель назад прислала ей открытку с репродукцией книжки Шелли «Восстание ислама». Знак. Символ!

Т.е. верит, что это всё мусульмане. Они будто за кадром (вот мужчины молятся «Алла») - но присутствуют.

«Она сказала матери: «...Страшно подумать: увидел бы отца в таком виде. Серая сажа с головы до пят — ох, даже не знаю, — точно столб дыма, стоял передо мной, лицо и одежда в крови».

Мартин: «Теперь уже ничто не покажется гиперболой. Меня больше ничем не удивишь, — сказал он».

Отношения между людьми – как в телесериале: «Ты совершила большую ошибку, став его женой».

— Расскажи-ка, что подельывают европейцы, — сказала Нина.

— Они добры к американцам, — сказал он».

Скучно.

Не спасают упоминания: Джорджо Моранди, хокку, Шелли, Артю Рембо, Кьеркегора, Вахтангова, Мейерхольда и даже упоминания объективного коррелята и когнитивного диссонанса.

Спасала только пьяная Нэнси Диннерстайн в Бостоне, «ее образ вызвал у него дурацкую, непрошеную эрекцию».

Это обязательно нужно знать читателю, как же без описания движений такого важного органа тела.

Подобно Онетти, Делилло описывает феномены истории души, подобно Онетти, он, как казах на осле, что видит вокруг, проезжая, о том и поет.

Скучно.

То, что произошло – ничуть не отвлекло жителей Нью-Йорка от застойной обывательщины. Они ничего не предпринимают в связи с происшедшим. Вообще ничего!

«— Мы ждем, что будет дальше, куда переедем. Я об этом почти не думаю».

«Надо тщательно вычитать рукопись, которую она редактирует для одного университетского издательства, — о древних алфавитах, скоро сдавать. Да, это, безусловно, главное». «У него был покер: шесть игроков, в Нижнем Манхэттене, вечером, раз в неделю. У нее был кружок «Дни нашей жизни» в Восточном Гарлеме, тоже раз в неделю, во второй половине дня, группа из пяти-шести-семи мужчин и женщин с болезнью Альцгеймера в ранней стадии».

«... Впереди по левую руку от него и на дорожке вокруг пруда — бегуны. На дорожке чуть выше него — тоже. И на аллее их немало: бегут мужчины с грузиками, бегут женщины, толкая перед собой коляски с детьми, толкая детей, а кое у кого на поводках собаки...»

... Ее соседка по комнате сочиняла тексты для воображаемой панк-группы «Насри мне в рот», и Лианна ей завидовала: надо же, как оригинально проявляется ее мировая скорбь».

Обыватель собирает чемодан, заглядывает в холодильник, ощущает свое одиночество.

Да, обыватели обсуждают тему – но мгновенно ее меняют.

Описание группочки, играющей в покер – не менее значимо, чем эти обсуждения.

Москва – город-паразит, в Москве после нападения Германии жизнь долго еще шла своим чередом: кино, театры, танцы, «Утомленное солнце нежно с морем прощалось». Мелкобуржуазное болото. Москва для России – что США для мира. Но и провинция – даже в 2014-м бандеровский фашизм не смог растряссти жиры украинских обывателей.

Обыватель остался обывателем, тем не менее, Делилло нагнетает: «Он где-то там болтается, невесть где, заставляет вас пялиться на небеса? Человек, имя которого, пожалуй, знаем мы все, даже кому не полагается». Имеется в виду Бен Ладен, которого в романе зовут Билл Аден.

Словом, жахнуло, и обыватели стали бояться. Фабула, сюжет, лейтмотив, основная мысль произведения. И, разумеется, много размышлений о боге, «вера в бога и наука несовместимы», даже такая фраза есть.

Он – в разных ипостасях: то не может пробраться через КПП, чтобы накормить кошку, то он искалечен и на коляске, его оперируют, то его лишь слегка задело. То ему женщина сует бутылку с водой, то шофер. Это такой художественный прием, отражающий, точнее, символизирующий всеобщий хаос, писатель уверен – если его применить, читатель будет в восторге.

«... художник-перформансист, прозванный Падающим... Машины притормаживали. Люди, запрокинув лица, осыпали Падающего бранью: их возмущало зрелище, кукольный спектакль о людском отчаянии, о последнем невесомом вздохе тела и о том, что отлетает с этим вздохом. Последний вздох на глазах у всего мира, подумала она... это превратили в балаган, мерзость какая, даже пробка образовалась...»

Падающий появится в романе еще раз: напугает толпу, сиганув под поезд метро на альпинистском тропе. И последний раз – к некрологу, Дэвид Джениэк, 39 лет. И вырезка, фрагмент из интернета: когда, где, с какого здания свисал, куда падал вниз головой. Наверно, опять какой-нибудь символ. Как Ромси, который считает пальцы на ногах у женщин, не может остановиться, как Кейт, который тайно исправляет неправильно написанную свою фамилию на почтовых конвертах.

А вот и главный символ:

«Мужчина, падающий вниз головой на фоне башен. Массив башен заполняет весь кадр, не оставляя ни одного просвета. Человек падает, башни — за ним, подумала она, башни — на очереди... это же падающий ангел, его красота ужасает».

«... такой вердикт вынесла Нина Бартос:

— Чистой воды паника. Паникуют, вот и атакуют.

— В определенном смысле — да, наверно, поэтому. Им кажется, что мир заражен. Наш мир, наша с вами цивилизация. И зараза расползается, — сказал он.

— Ничего им не добиться, как бы они ни надеялись. Они не приносят свободу народам, не изгоняют диктаторов. Убивают невинных — только и всего.

— Они подрывают господство вашей страны. Вот их цель: показать, что и у великой державы есть слабое место. У державы, лезущей в чужие дела, державы-оккупанта.

Он (Мартин, Б. И.) говорил тихо, уставившись на ковер у себя под ногами.

— У одной стороны есть деньги, рабочая сила, технологии, армии, ведомства, мегаполисы, законы, полиция и тюрьмы. У другой — горстка людей, готовых на смерть.

— Аллах велик, — сказала она.

— Забудь о Боге. Это сфера истории. Политики с экономикой. Бытие определяет сознание: миллионы людей обездолены.

— Их страны отстают в развитии не из-за многолетних вмешательств Запада. Причина — в их собственной истории, в их менталитете. Они живут закрыто, потому что таков их собственный выбор, потому что им так нужно. Не развиваются, потому что не хотят или не пытаются.

— Соглашусь, они оперируют религиозной терминологией, но движет ими другое.

— Панический страх — вот что ими движет, и точка...

- ... это атака не на одну страну, не на один-два города. Теперь мы все под прицелом».

Это их собственные мысли или обрывки газетных статей?

Ах, какая прелесть:

— Я сидела за монитором и услышала, как приближается самолет, да, услышала, но только после того, как меня швырнуло на пол. Вот как быстро, — сказала она.

— **Вы уверены, что слышали самолет?**

— Ударная волна швырнула меня на пол, и тут я услышала: самолет. И систему пожаротушения, кажется...

Один мужчина говорил, что это сильнейшее землетрясение. Она совсем забыла про самолет и **была готова поверить в землетрясение**, хотя сама слышала самолет...

Мимо пробежали пожарные. И: «У меня астма, астма». И некоторые — те, кто не отмалчивался, — говорили: «Бомба».

Герои сомневаются – сам Делилло уверен: это был настоящий теракт. В романе образ террориста Хаммада, который на тренажерах готовится направить самолет на башни – реален, это не мнение, это факт для Делилло.

«Амир ответил коротко: других нет. Другие существуют лишь постольку, поскольку играют роль, которую мы им поручили. Это их функция: они ведь другие. Те, кто умрет, не имеют прав на свою жизнь — зато их смерть принесет пользу».

При этом – ох уж эти двойные стандарты:

«Услышав новость по радио — школа номер один, много детей, — он понял, что должен ей позвонить. Террористы захватили заложников, штурм, взрывы — это в России, где-то далеко, сотни погибших, много детей.

Она говорила тихим голосом:

— Они не могли не знать. Сами срежиссировали ситуацию, другой исход был невозможен... и дети. Просто не могли не знать. Пошли умирать. Специально срежиссировали ситуацию, там, где дети, и знали, чем кончится. Не могли не знать».

Массовое сознание обывателей полностью сформировано американскими СМИ.

«Мартин, неожиданно для них, подал голос из дальнего угла комнаты:

— Они хотят занять в мире свое место, создать свой собственный — не наш — глобальный альянс. Ты говоришь: это старая отжившая война. Но она повсюду, и у нее есть свои резоны».

«Он (Мартин, Б. И.) совсем недавно занялся своим бизнесом и о Моранди почти не слышал. Поехал в Болонью — посмотреть работы своими глазами. Вернулся и сказал: нет, нет, ни за что. Второстепенный художник. Буржуйский, пустопорожний, заикленный на себе. Мартин его разгромил с марксистских позиций...»

В конце 60-х он был членом коммуны. «Коммуны 1». Ходил на демонстрации против ФРГ — против фашистского государства. Фашистского в их понимании. Сначала они швырялись яйцами. Потом перешли на бомбы. Потом... точно не знаю, чем он занимался. Кажется, одно время жил в Италии — в смутные времена, когда действовали «Красные бригады». Но точно не знаю... Он думает, что эти... джихадисты... он думает, у них есть что-то общее с радикалами 60-70-х. Думает, все они — дети одной традиции. У них тоже есть теоретики. Также есть концепции мирового братства...»

(Коммуна 1 - коммуна левых радикалов, существовавшая в Западном Берлине с 1967 по 1969 гг. Члены коммуны устраивали эпатажные акции протеста — например, призывали поджигать универмаги, чтобы «идти в ногу с модой — приобщаться к атмосфере пылающего Вьетнама»).

«... День склонялся к вечеру, принесли кофе. И тут Мартин сказал:

— Нам всем обрыдла Америка и американцы. Аж тошнит.

Она посмотрела на него. Все та же тринадцатидневная щетина, набрякшие веки: хронический эффект смены часовых поясов. Обычная униформа — вечно неглаженный костюм, мятая — точно он в ней спит — рубашка, галстука нет. То ли беженец, то ли человек не от мира сего, заплутавший во времени. Пока

Лианна с ним не виделась, он погрузнел, лицо расплылось, бородка уже не скрывает одутловатости и обрюзглости. Взгляд замученный: глаза ввалились, стали какие-то маленькие.

- Несмотря на все беспечное могущество этой страны, позвольте заметить, несмотря на всю свою опасность для мира Америка станет нулем. Верите?.. Очень скоро вообще не будет нужды вспоминать об Америке — разве что в связи с ее опасностью для других. Она теряет центральную роль. Становится центром лишь для дерьма, которое сама порождает. Вот и все ее главенство... Нынешней Америки я больше не знаю. Смотрю и не узнаю, — сказал он. — Была Америка, стало чистое поле».

Это обыватель говорит или это Делилло говорит? Это Делилло связывает марксизм и терроризм, случайно, походя?

Ленин объясняет: большевики против террора, потому что террорист — тот, кто слаб, тот, за спиной которого нет масс. Если массы сознательны, если они пришли в движение, им не нужен террор. Для подавления класса угнетателей достаточно, чтобы диктатуру буржуазии сменила диктатура пролетариата.

А дальше — отождествление любого протеста с фундаментализмом и «массовым человеком» Ортеги: «Мимо промаршировали пожилые женщины, распевая старую песню протеста.

Он сказал:

— Хадж.

— Да.

... У толпы был талант — талант быть толпой. В этом таланте — высшая истина этих людей. Они в своей стихии, подумала она, когда находятся в волне тел, в плотном скопище. Толпиться — уже религия, а праздник — лишь предлог для ее обрядов. Она подумала о том, как толпы поддаются панике, скапливаются у края обрыва».

«Хаммад: Он служил в пехоте, и был у Шатт-аль-Араб, пятнадцать лет назад, и смотрел, как по пескам, которые обнажил отлив, приближаются они — тысячи мальчишек, и все орут. Некоторые с автоматами, но много совсем безоружных, для младших автоматы были почти непосильной ношей: с «калашом» далеко не уйдешь. Он был солдат армии Саддама, а они — мученики аятоллы — пришли, чтобы сложить здесь голову. Казалось, они возникают прямо из грязи, волнами, и он целился и стрелял, и видел, как они падают. Справа и слева от него работали пулеметчики, стреляли все ожесточеннее, и казалось: вместо воздуха дышишь раскаленной добела сталью.

Почти каждой страной правят полоумные, сказал он.

Хаммад сидел на корточках: ел и слушал. Разговоры были — свет и пламя; чувства — заразительны. В эту страну они приехали получать техническое образование, но в квартире говорили только о борьбе. Здесь одни извращения, лицемерие, Запад прогнил телом и душой, прогнил и хочет разрушить ислам, искрошить, как крошат птицам хлеб...

Амир объяснял: можно, конечно, до скончания века сидеть в четырех стенах, строить планы, есть и спать, и даже молиться, и даже готовить заговор, но однажды необходимо будет выйти наружу, рано или поздно придется. Даже в молельне нельзя просидеть всю жизнь. Ислам — это и суры Корана, и мир за стенами молельни. Ислам — это борьба с врагом, с ближним врагом и дальним, в первую очередь с евреями, в отместку за все несправедливости и мерзости, во вторую очередь — с американцами...

Как-то поздно ночью ему пришлось переступить через брата, распростертого в молитве; а шел Хаммад в туалет — подрочить.

... они были последователи, последователи Пророка... Он молился вместе с ними, чтобы быть с ними. Они становились братьями во всем».

Задавал ли себе вопрос Делилло, почему шииты воюют с суннитами, а евреи с арабами? Кто отрезал, как по линейке, Кувейт от Ирака? Он еще не знал, не мог знать, что именно Америка сконструирует ИГИЛ, именно вторжение США в Афганистан создаст фундаментализм в лице талибов. Делилло не понимает связи между явлениями, не видит, что именно демократия в ее американском понимании — и есть терроризм. Кроме массовых убийств мирных граждан, как в Северной Корее, Вьетнаме, Ираке, ЦРУ своими руками создает разных странах террористические организации. Наконец, терроризм стал фетишем СМИ, США попытались достичь единства нации, которое расшаталось после распада СССР, путем создания образа нового внешнего врага.

Но мы снова лицом к лицу сталкиваемся с филигранным стилем Делилло, когда Хаммад идет в туалет. Если в «Падающем» Делилло хотел показать пустоту американского обывателя — ему это удалось.

Обезличивание

Роман «Мао II» опубликован в 1991-м. Название происходит от серии шелкографий Энди Уорхола с изображением Мао Цзэдуна. Основные темы книги – толпа как хозяин жизни, политический терроризм. Поскольку роман Делилло в русле моды осуждения авторитаризма и тоталитаризма, «Мао II» получил положительные отзывы критиков и премию ПЕН-клуба в 1992 году. Как уже сказано, Делилло даже называли пророком, якобы в романе он предсказал теракт 11 сентября.

Андрей Белый полагал, что он в силах написать такую поэму, которая коренным образом изменит мир. Фридрих Шлегель считал, что править миром должны люди искусства. В романе писатель выясняет, что литература – вне политической борьбы. Массы не реагируют на идеи писателей. Теракт вызывает гораздо больший эффект, нежели книга.

Писатель сетует, что литература перестала влиять на массы.

Да ведь чтобы влиять на массы, нужно не сосредоточиваться на собственном «я», представлять «Вселенную через меня», а не «меня во Вселенной». Но писатель Билл Грей делает все наоборот, он выражает себя через синтаксис и полагает, что это и есть мышление.

«Я разбираю язык на части, - пишет Делилло. - Я начинаю на уровне улицы с голосов, которые я слышу, и людей, которых я вижу, и пытаюсь перевести их на язык, который сделает людей более ясными. Что произойдет после этого, остается загадкой».

Тем и отличаются гении, что становятся рупором третьего сословия, левеллеров, санкюлотов, восставших крестьян, голытьбы. Делилло ограничивается констатацией платочных лагерей нищих. Делилло путает влияние на массы и влияние на СМИ, он полагает, что СМИ и есть влияние на массы. Его герой потому никак не может закончить роман, что понимает – не действует. Писатель не творит историю. Ему это показали на примере террора.

В «Мао II» Делилло продолжает тему «Восстания масс» Хосе Ортеги-и-Гассета.

В книге - толпы, живущие в парке Томпкинс-сквер, толпы, скорбящие на похоронах аятоллы, начинается книга с фантастической по идиотизму свадьбы 6000 женихов и невест, у массы нет имен, нет лиц.

Писатель-отшельник Билл Грей бесконечно работает над романом, который никак не может закончить. Терроризм вытеснил искусство как «набеги на сознание», «будущее принадлежит толпе», - сетует он. «Чередой писателей, у которых мы учились думать и видеть, прервалась на Беккете. Дальше наступила другая эпоха - когда шедевры создаются с помощью взрывчатки: самолеты над океаном, взлетающие на воздух здания. Вот как пишутся новые трагедии».

(То, что именно Беккета указывает Делилло, точно характеризует уровень самого Делилло как писателя.)

Билл принимает предложение своего бывшего редактора Чарльза поехать в Лондон, чтобы публично выступить от имени швейцарского писателя, взятого в заложники в раздираемом войной Бейруте.

В помещении, где Билл должен был дать пресс-конференцию, происходит теракт.

В Лондоне Билла знакомят с Джорджем Хаддадом, представителем маоистской группы, ответственной за похищение писателя. Уже нелепость, т.к. маоистские группы такими вещами не занимаются.

Билл решает сам поехать в Ливан и договориться об освобождении писателя. Сначала он едет на Кипр, где его сбивает машина, и, вследствие того, что у него рваная, пораженная алкоголем печень, он погибает - во сне по пути в Бейрут.

Образ отшельника возник у Делилло из его представления о Дж. Д. Сэлинджере, который на самом деле не был затворником, просто не давал интервью. Источником вдохновения послужила в том числе фетва Хомейни, призывающая к смерти Салмана Рушди за его «Сатанинские стихи».

Кольцевая композиция романа: он начинается со свадьбы и свадьбой заканчивается.

Но разве только Рушди? Еще есть Ассанж, есть Сноуден, наконец, есть Эрнст Цундел, которого преследовали за то, что не верил в 6 миллионов убиенных евреев, за то, что опубликовал книгу «Шесть миллионов – потеряны и найдены».

Все противопоставления в романе - стандартны: я и толпа, мое хождение по мукам, я во Вселенной и т.п., отштампованный менталитет современного художника. Отштампована и идеология.

«Карен: «Официальный знак, оранжевый с черным; его поставили ради одной-единственной девочки, которая не сможет услышать, как ее сзади догоняет машина, даже грузовика не услышит. Я его увидела и подумала прописными: "ГЛУХОЙ РЕБЕНОК". И подумала, что государство, которое ставит знак ради одного ребенка, не может быть совсем уж подлым и черствым... Этот дорожный знак каждый раз меня воодушевляет».

Кто бы сомневался – в 1994-м с помощью США в Руанде всего за три месяца было уничтожено около миллиона мирных граждан.

Писатель считает, что источник обезличивания – особая, «массовая» идеология, национальная идея, идея слияния с массой. То же – в романе «1984» Оруэлла, который он украл у Замятина («Мы»). Делилло забывает, что сам пишет о белом шуме СМИ. Тем более, он не понимает, что главный источник нивелировки сознания – «монотонный, отупляющий, обезличивающий труд» (Маркс, «Экономическо-философские рукописи 1844 года»). Храм обезличивания – конвейер. Но не только труд, не только конвейер нивелируют, но и маргинализация: Маркс пишет о превращенной социальной форме, когда человек вытолкнут из общественных отношений и реальный мир подменяется фетишами средств массовой информации.

Разумеется, сам Делилло подвержен белому шуму: он стандартно противопоставляет массе, идее – личность, ценность человеческой жизни – ее обесцениванию, писателей – ученых – абстрактным героям, божествам, вождям. Он не замечает, что мир, проповедующий ценность человеческой жизни, действует точно так же, как безликая масса, для него жизнь полумиллиона жителей Ирака точно так же не имеет никакой ценности, если эта жертва – во имя идеи под названием «национальный интерес Америки», Мадлен Олбрайт именно так и заявила. Ценности свободного мира основываются на точно таких же абстракциях: «свобода слова», «демократия», «Рембо» (типично лишенный человеческих черт античный герой) и т.п.

Делилло восстает против национальной идеи, которая заменяет разум, сеет покорность и чувство правоты, и не замечает, что именно «свободный» мир насаждает в умах образ священного мирового жандарма. Война против национальной идеи на удивление совпадает с интересом американских корпораций ликвидировать государственные границы других стран, чтобы облегчить проникновение на их внутренние рынки.

Уровень

Мы видим, что через столетие уровень политической художественной прозы в сравнении с Салтыковым-Щедриным, Максимом Горьким, Генрихом Манном, Бернардом Шоу, и далее Ремарком, Фолкнером, Скоттом Фицджеральдом и др. резко снижен.

Восхищение мастерством, с которым написан роман, разлитое в американском обществе, только усиливает это впечатление. В частности: The New York Times, May 19, 1991, Dangerous Don DeLillo: «ДеЛилло поразил меня своей яростью и непреходящей значимостью. Его художественная литература выдержана с нервирующим юмором и непревзойденным интеллектом и силой» (By Vince Passaro). The Washington Post, By Sven Birkerts, May 26, 1991: «Он выслеживает наш атомный ландшафт, как счетчик Гейгера, и его книги приходят к нам, щелкая. "Мао II" - 10-й роман ДеЛилло, и он один из его лучших», и т.д.

London Review of Books Vol. 13 No. 17 · 12 September 1991 пишет: «Его карьера показала постоянную готовность писать о темах, находящихся на переднем крае массового сознания: американский футбол и ядерная война (End Zone, 1972), поп-музыка (Грейт-Джонс-стрит, 1973), связь из космоса (Звезда Ратнера, 1976), тайная разведка (Бегущая собака, 1978), терроризм (Имена, 1982), жизнь в пригороде и экологическая катастрофа (Белый шум, 1985), убийство президента Кеннеди (Весы, 1988)».

То есть: он не пишет о будущем, он в лучших традициях Голливуда поспешает за «жареным», за только что прошедшим.

Конечно, есть находки: «Проходят не глядя. Подайте монетку. Не глядя. Все равно вас люблю. Подайте монетку. Не глядя. Все равно вас люблю».

Есть художественные образы: «владения ночи», «забинтованное облаками небо», «окошки глаз» и т.д. Но целом роман по стилю - это, скорее, журналистские тексты.

«Волосы льнут к ковру, висящему над кроватью, волосы забиваются в сетчатый фильтр ванны, застревают в трубе, липнут к сальной раковине, лобковые волосы образуют причудливые узоры на стульчаке, волосы на затылке прилипают к воротнику рубашки, волосы в тарелке, на подушке, во рту, но больше всего он их замечает в пишущей машинке, эдакий волосонакопитель; все, что выпадает, застревает в механизме, колтун и седина, пушистый хаос, все, что не чисто, не твердо, не ярко». Очень, очень интересно. За душу берет.

Текст, как и в «Падающем», внавал.

«Он (Билл, Б. И.) подметил, как поглощена она этим занятием, как ловко действует тонкими пальцами, старается, чтобы получилось мастерски, - серьезная девочка, одевающая куклу.

Войдя в мансарду, Скотт замешкался, начал осматриваться».

В начале разговора они задают темы разговора... Перекрестные диалоги... Даже ссоры скучны, как ссоры пьяных.

Встречаются два старых приятели, один другому:

- Неужели на тебя не накатывают воспоминания? Они, как внезапный прибой, захлестывают, почти валят с ног.

Как внезапный прибой. Неужели Делилло не почувствовал фальшь?

Девушка Карен, сектантка, которую случайно встретил Скотт – то ли пьяная, то ли обкуренная, обращается к нему:

- Вы приехали меня депрограммировать?

Родители похищают дочь Карен, которую затащили в секту Муна, но «перепрограммируют» ее точно так же, как «программисты» Муна.

Скучно.

«... пыталась его услышать, вспомнить, что есть другой мир, мир литературы, уединенной жизни, росистых зарослей осоки».

Скучно. Это не мир, а мирок. Замкнутый, затхлый, душный.

Далее Карен начинает сожительствовать с двумя сразу: со Скоттом и с писателем Биллом.

«Его член танцевал в ее руке». Скотт, в свою очередь, начинает приставать к Брите, которой далеко за сорок.

Скотт потребляет марихуану, Билл – амфетамин, Брита постоянно стреляет у Билла сигареты. Подается всё это как нечто обыденное.

Разговор Билла с издателем Чарли о простате Чарли.

Скучно.

«Художники-концептуалисты».

Скучно.

«Депрограммирует» - жизнь, наука, классовая борьба. Прочее – сопли.

Бессвязность изложения, имена берутся ниоткуда, просто возникают, вне связи с предыдущим.

Кейт уставился на нее, сидя за столом напротив.

— Когда это случилось?

— С час назад.

— Эта ее собака... — сказал он.

— Знаю. Я точно ума лишилась.

— А что теперь? Увидишь ее в подъезде, и что?

— Извиняться не стану. И всё тут.

Он сидел и, глядя на нее, качал головой:

— Ты не расстраивайся, но, когда я только что поднимался по лестнице...

— Можешь не говорить.

— Музыка играла, — сказал он.

— Наверно, это значит, что победа за ней.

— Не громче и не тише.

— Победа за ней.
Он сказал:
— А может, она умерла. Валяется там у себя мертвая.
— Жива она или мертва, победа за ней.
— Эта ее собака...
— Знаю. Я совсем спятила. Слышала свой голос со стороны. Как чужой.
— Я эту зверюгу видел. Наш мальчик ее боится. Ни за что не признается, но боится...
— Что за порода?
— Ньюфаундленд.
— Не собака, а целый остров, — сказала она.
— Ты везучая.
— Везучая и чокнутая. Грегор.
Он сказал:
— Выкинь эту музыку из головы.
— Грегор, имя кончается на «гор».
... - Огромный пес нюхает промежность покойницы.

Придание смысла тому, у чего нет смысла, выискивание смысла в чепухе. Что случилось, причем здесь музыка, причем здесь собака, почему дура, которая терзает соседей громкой музыкой, почему победила, с чего это она может быть мертвой. Чем больше непонятного, бессвязного, чем похабнее детали, тем ценнее проза для цивилизованного мира.

Тот, кто не хочет замечать классовую структуру общества, противопоставляет ей собственное «я». Философия, облагораживающая это сосредоточение - субъективный идеализм, доходящий до солипсизма. Яркий представитель его – ныне модный в Америке Кьеркегор. Читатель должен помнить, что Кьеркегор нравится жене Кейта Лианне за то, что его фамилия оканчивается на «гор», как и имя собаки Грегор. «Есть только один-единственный человек, обладающий предпосылками, которые позволяют подвергнуть настоящей критике мою работу – это я сам», - гордо пишет Кьеркегор. «На том стою: на голове или на ногах – не знаю», - сообщает он. Но этот самовлюбленный дурак нравится Лианне за драматичность и постоянное ощущение страха, как у наркомана в отсутствие дозы. Лианна обожает иррационалиста Кьеркегора, меланхолического ипохондрика, предтечу ничтожного экзистенциализма. Эпоха обожает Шеллинга, возвестившего, что разум «не в состоянии познать ничего действительного», а действительность – это боженька и таинство христианства. Грязная похабщина подается в «Падающем» и в «Мао II» читателю как изысканное блюдо – хавай и нахваливай. А если еще мошонку к мостовой гвоздями прибить... До Нобелевской премии бездарной Алексиевич осталось всего-то немногим более десятка лет.

Демократия есть террор

Как и в «Падающем», в «Мао II» Делилло, ничего не зная о марксизме, нападает на марксизм: «Иногда мальчик издевался над ним. Валил на пол и приказывал встать. Валил на пол и приказывал встать. Пытался голыми руками вырвать ему зубы. После ухода мальчика боль не унималась еще долго-долго...»

Мальчик заставлял пленника лечь на спину с согнутыми в коленях ногами и бил его по пяткам монтировкой. Боль не давала ему спать,

Его случайно занесло на территорию новой культуры, в систему всемирного терроризма...»

Бейрут, Ливан. Там и не пахнет терроризмом, там война. Израиль и США бомбят ливанцев.

Но у Делилло – «молодая организация», которая похитила поэта – «за коммунистов». «А еще - левые силы, насколько я понимаю, просирийской ориентации. И ООП опять активизировалась в Ливане, а она всегда тяготела к марксизму».

Делилло хочет возражать капитализму, но как-нибудь без марксизма:

«Брита: Семеро тайных королей владеют всем, что здесь есть, и переставляют нас по доске. Людей выметают на улицу - квадратные ярды нужны владельцам. Потом людей выметают с улицы - у воздуха, которым они дышат, нашелся хозяин. Небо вместе с воздухом продается и покупается, а на тротуарах, в коробках - утрамбованные тела. Но и коробки попадают под метлу.

Скотт: - Любите преувеличивать.

- Я преувеличиваю, чтобы не сдохнуть. В том-то и весь смысл Нью-Йорка. Я обожаю этот город, целиком ему доверяю, но знаю: как только злость меня отпустит, я пропаду».

Разумеется, Брита передергивает: не семь властителей, не царь, не падишах, не президент – а класс буржуа. Кроме мифа о тайном мировом правительстве здесь всё правда. Но Делилло играет правдой, как шариком от пинг-понга. Правда? Ну, что вы, это только для поднятия тонуса, правда – это преувеличение.

«С улицы доносились крики, ночные серенады, последнее время звучащие в любой час; там мальчишки, справляющие нужду на тела спящих, там женщина, которая живет в пакетах для мусора, использует их как одежду и спальный мешок, никогда не расстается с огромным пластиковым пакетом, набитым пакетиками поменьше.

Итак, она (Карен, Б. И.) набрела на тот парк. Наткнувшись на такое, цепенеешь. Палаточный городок. Хижины и сарайчики, как бы их назвать, на языке вертится, ну же... ага, хибарки; лабиринты из обитаемых коробок и контейнеров, накрытых сверху синим полиэтиленом. То ли лагерь беженцев, то ли самая запущенная окраина какого-то пыльного поселка. На подмостках летней эстрады - постели, недвижимое нагромождение одеял внезапно подергивается, вскидывается - это человек, встав на колени, кашляет кровью. Карен шла на негнущихся ногах, вприпрыжку, будто сама подшучивая над своим робким любопытством или скрывая благоговейный трепет. Из горла человека выползали кровавые нити. На скамейках - коконы с телами внутри, на ограде бассейна-"лягушатника" сушатся одеяла. И весь этот самострой, задрапированные синей пленкой жилые коробки, угольные печки, зеркала, чтобы бриться, дым костров, разведенных в бочках из-под мазута. Обособленный, но громко заявляющий о себе мир, калейдоскоп картинок - трехмерных, испускающих запахи, говорящих вслух на своем особенном наречии; всюду звучит какой-то разноязыкий английский, раскрошенный и разваренный, расплескавшийся по жадным ложкам и черпакам. Люди на разных стадиях оборванности, некоторые еще неплохо экипированы по сравнению с остальными; пожитки, упакованные в ящики, сложенные в тележки.

Омар сказал ей:

- Раз поселился на улице, нет уже ничего, кроме улицы. Знаешь сама, да? Эти люди могут только об одном говорить, об одном думать - о грязном ящике, где живут. Чем меньше ящик, тем больше жизни у тебя отнимает. Знаешь, что я говорю. Живешь в зашибенном, в неделю не уделать, особняке - о нем надо думать дважды в месяц по десять секунд, не больше. Живешь в ящике - весь день на него тратишь. Остался без ящика - нужно колготиться в два раза больше, чтобы добыть новый. Я тебе говорю, что своими глазами наблюдаю».

Еще бы, еще бы! Сострадание к бедным у буржуазии в крови.

Роман, как уже сказано, начинается с описания прихожан секты китайского проповедника Муна, с растворения «я» в «мы». Свежо.

Это не совсем ирония: если Ортега-и-Гассет указывал: орущая толпа на футбольных стадионах есть фашизм, унификация сознания, то Делилло указывает на бейсбол. Если Замятин посвятил «Мы» сталинскому СССР, а Оруэлл «1984» Великобритании, то Делилло указывает на унификацию сознания в Соединенных Штатах. В унифицирующие мантры Делилло включил фрагменты общеизвестных песен: "Ты мое солнце" - официальный гимн штата Луизиана; "Греби веслом" - часть хороводного припева "Греби, греби веслом, по тихой реке плывем, весело, весело, весело, жизнь - это только сон". Зиг хайль.

Делилло описывает выставку Энди Уорхолла: «Мао, размноженный методом шелкографии и просто на ксероксе. Обои с узором из Мао. Мао на синтетической полимерной краске-основе. Инсталляция: стены, оклеенные сериграфиями на манер обоев, завешены полупрозрачными шелкографиями на ткани. И потому кажется, что лицо Председателя, окрашенное на сей раз в нежно-лиловый цвет, воспаряет в воздух, почти отделяется от своего материального носителя - копии фотоснимка».

Американский фильм «Исчезнувшая». Злобная психопатка решает отомстить мужу, который ей изменил, путем конструирования в массовом сознании версии, что муж ее убил. Ни о каком правосудии

нет речи, судьи подчиняются ору толпы идиотов, которых надули. Когда же выясняется, что никакого убийства не было, толпа все равно продолжает обожать ту, которая их надула.

Брита: «Понимаете, мне хочется, чтобы другие верили. Пусть будет много верующих повсюду. Я чувствую, это необыкновенно важно. В Катанье я видела, как сотни людей бегут, тащат по улицам повозку со святым, буквально бегом. В Мексике я видела, как люди падают на колени и ползут за сотни миль в Мехико, на праздник в честь Пресвятой Девы, оставляют кровавые следы на ступенях базилики и вливаются в толпу внутри собора, давка страшная, воздуха на всех не хватает. Кровь, всегда кровь. День Крови в Тегеране. Мне нужно, чтобы эти люди верили за меня. К верующим меня тянет, как муху на мед. Их много, они повсюду. Без них планета остынет».

Да ведь это тот же самый фашизм.

«Смерть Хомейни. Голос произнес: "Скорбящие пришли в неистовство. Они наносят себе удары по голове".»

Брита: "Мне нужно, чтобы люди вместо меня верили",
Тот же фашизм.

«Будущее принадлежит толпам». Об этом писал еще Алексис де Токвиль – но есть разница.

«Много лет назад я думал, что писатель способен что-то изменить хотя бы в культуре. Теперь эту сферу оккупировали ребята с бомбами и автоматами. Они берут штурмом человеческие души - а раньше это делали мы, писатели, пока все поголовно не превратили свое дело в бизнес... Ведь нас теснит террор, новости террора, диктофоны, фотоаппараты, приемники, бомбы, замаскированные под приемники. Сообщения о бедствиях - вот и все тексты, других повестей людям уже не надо. Мрачнее новость - ярче повесть. Новости - сегодняшнее помешательство... Это книга какого-то другого автора. Вымученная, нескладная - я-то чувствую. Я обманом заставлял себя продолжать работу, надеяться на авось. Думаете, я преувеличиваю? Я никак не перестану возиться с книгой, которая мертва».

Есть у богемы психическое заболевание – она считает, что ее разговоры меж собой на кухне – это импровизации, полет мысли и духа, божественное озарение, приходящее легко, непринужденно, без всякого труда.

Диалоги, которые должны казаться интеллектуальными, важными, на самом деле никчемный примитив. Неинтересно.

Делилло считает, что стоит правильно построить фразу – и на массы снизойдет озарение. Но Делилло – не богема, он чувствует, как фашизм в американском обществе из тайного, снабженного силой фразы, становится явным, почти неприкрытым фразой.

Делилло рисует божественный образ Учителя в воспаленном воображении поклонников. Образ Вождя. Но: идея Демократии. Америка – как Учитель и Вождь.

Террор и марксизм

Суть терроризма по Делилло:

«Билл сказал:

- Человек заперт в подвале - вот к чему дело сводится. А ведь он ни в чем не виноват.

- Конечно, не виноват. Потому его и захватили. Это же элементарно. Терроризировать нужно безвинных. Чем бессердечнее эти люди поступают, тем острее мы чувствуем, до чего они разъярены. Согласитесь, Билл, именно романист лучше всех на свете, лучше всех прочих литераторов понимает истоки этой ярости, нутром чувствует, каково приходится террористу. Испокон веков именно романисты ощущали свое родство со страстными бунтарями, которые не выносят гнета. Кому вы симпатизируете? Колониальной полиции, оккупанту, богатому землевладельцу, продажному правительству, милитаристскому государству? Или террористу? Учтите, я не отрекаюсь от этого слова, будь у него хоть сто отрицательных значений. Это единственное правдивое слово».

Зарезать бабушку или грудного младенца, чтобы граждане острее почувствовали ярость убийцы?

Это маразм. Но это не весь маразм Делилло.

В многочисленных фильмах пореформенной России террориста перед казнью сажают в тюрьму, к нему приходит благородная княгиня, родственница убитого террористом, и он униженно просит у княгини прощения. Противоположно описывает террористов после очередной казни свидетель, начальник

Петербургской охраны подполковник А. В. Герасимов в книге «На лезвии с террористами»: «Потом мне говорил прокурор, официально по своей должности присутствовавший на казнях террористов: «Как эти люди умирали... Ни вдоха, ни сожаления, никаких признаков слабости... С улыбкой на устах они шли на казнь. Это были настоящие герои». Они в этом отношении не были исключением: все террористы умирали с большим мужеством и достоинством. Особенно женщины. В моей памяти до сих пор отчетливо сохранился рассказ о том, как умерла Зинаида Конопляникова, повешенная за убийство командира Семеновского полка генерала Мина, который в декабре 1905 г. подавил восстание в Москве. Она взойшла на эшафот, декламируя строки Пушкина: «Товарищ, верь: взойдет она, / Звезда пленительного счастья, / Россия вспрянет ото сна, / И на обломках самовластья / Напишут наши имена!» Героизм этой молодежи, надо признать, привлекал к ней симпатии в обществе».

Согласитесь, есть разница с зомбированными, обкуренными фанатиками-шахидами. Как-то не подпадает под зомбирование или фанатизм поэзия Пушкина, не правда ли.

Настоящие бунтари казнили виновных. И общество с понимаем к этому относилось. Делилло подменяет содержание термина «бунтарь».

И еще одна подмена: Делилло увязывает терроризм с массовым мышлением, со служением идее, с приказом Учителя, который нельзя слушаться. Но причем тут тогда «колониальная полиция, оккупант, богатый землевладелец, продажное правительство, милитаристское государство»?

Делилло всячески пытается избежать слово «буржуа».

Как говорил французский структуралист Ролан Барт, буржуазию можно определить как класс, который не хочет быть названным.

Делилло согласен, что террор создают государства. Но не всякие!

«Джордж Хаддад: Они живут в подполье, добровольно живут бок о бок со смертью. Они ненавидят многое из того, что ненавистно вам. Они хитроумны. У них железная дисциплина. В их жизни нет места компромиссам. Они вызывают восхищение - ими нельзя не восхищаться. В культурах, не знающих ничего, кроме пресыщенности и пороков, террор - единственное разумное действие. Слишком много всего: вещей, идей и концепций накопилось - больше, чем хватило бы нам на десять тысяч жизней. То истерика, то инертность. Исторический прогресс под вопросом. Хоть кто-нибудь воспринимает жизнь серьезно? К кому мы относимся серьезно? Только к исповедующему смертоносную веру, к тому, кто за веру убивает других и умирает сам. Все прочее поглощается обществом. Художник поглощается, уличный дурачок и тот поглощается, растворяется, подвергается переработке. Дай ему доллар, сними его в рекламном ролике. Только террорист стоит поодаль. Культура пока не додумалась, как его ассимилировать. Когда убивают безвинных, все несколько осложняется. Но это средство для привлечения внимания - ведь Запад другого языка не понимает. А их умение манипулировать своим образом в нашем сознании?! Как часто они мелькают в бесконечном потоке сменяющихся картинок. Билл, я вам говорил в Лондоне... Только писатель поймет, до чего тошно жить в безвестности, на обочине мира, пропадать зазря. В душе вы сами - убийцы. Чуть ли не каждый из вас...

- Ничего подобного. Террорист как изгой- одиночка? Миф чистой воды. Их группы финансируются тоталитарными правительствами. Они сами - идеальные тоталитарные государства в миниатюре. Несут давно известное мировоззрение - оловянные глаза, тотальное истребление, тотальный порядок.

- С чего начинается террористическая организация? С горстки людей, которые собираются где-нибудь в подсобке галантерейной лавки. Они ценят дисциплину и железную волю? Разумеется. Мне кажется, нужно выбирать, на чьей ты стороне. Не успокаивать себя примиренческими аргументами. Защищать растоптанных, оплеванных. Разве эти люди не жаждут порядка? А кто им его обеспечит? Вспомните о Председателе Мао. Перманентная революция и порядок совместимы.

- Вспомните о пятидесяти миллионах хунвейбинов.

- Билл, это же были дети. Там все упиралось в веру. Светлую, иногда идиотскую, иногда жестокую. Посмотрим, что сейчас. Куда ни глянь, молокососы позируют с автоматами. В подростковом возрасте жестокость и негибимость уже сформированы окончательно. Я же говорил в Лондоне: чем бессердечнее, тем заметнее.

- РИ чем труднее становится подыскивать оправдания, тем больше наслаждаешься своей принципиальностью. Тоже негибимость своего рода.

Они выпили еще, сидя на корточках, нос к носу; по улице с каким-то бесстыжим ревом носились мотоциклы.

- Джордж, вы представляете какую-то небольшую маоистскую организацию?

- Это только идея. Мечта о Ливане без сирийцев, палестинцев и израильтян, без иранских добровольцев и религиозных войн. Нам нужна модель, которая поможет отстраниться от всей этой истории взаимных обид. Нечто грандиозное и подкупающее. Образ абсолютного бытия. Билл, это - ключ ко всему. В обществах, стремящихся преобразовать себя изнутри, - политика абсолютна, власть абсолютна, бытие абсолютно.

В Китае Мао Цзэдуна человек, читающий на ходу книгу, искал не забвения, не развлечения - он крепил свои узы со всеми остальными китайцами. Что за книга? Книга Мао. "Маленькая красная книжка". Цитатник. Она олицетворяла веру, которая была с людьми всегда, где бы они ни находились. Этой книгой размахивали, ее декламировали наизусть, постоянно совали всем под нос. Наверняка не выпускали из рук, даже занимаясь любовью.

Тоже мне, секс. Зубрежка-долбежка.

- Разумеется. Мне даже удивительна ваша обывательская реакция. Да, безусловно, долбежка. Мы заучиваем труды, которые служат руководством в борьбе. Храня произведение в памяти, мы предохраняем его от гибели. Оно остается нетленным. Дети заучивают целыми кусками сказки, которые слышат от родителей. Вновь и вновь требуют одну и ту же. Не переимчивай ни слова - иначе ребенок разревется. Это и есть тот неизменный нарратив, повествование, без которого не выживет ни одна культура. В Китае этот нарратив был собственностью Мао. Люди затверживали его и декламировали, чтобы революция не сбилась со своего курса. Так опыт Мао сделался неподвластен влиянию внешних факторов. Он превратился в живую память сотен миллионов людей. Культ Мао был культом книги. Призывом к единению, кличем "Все в строй!", - и собирались толпы одинаково одетых, одинаково мыслящих. Разве вы не видите, как это прекрасно? Разве в повторении определенных слов и фраз не может быть красоты и силы? Чтобы почитать книгу, вы уединяетесь у себя в комнате. Эти люди вышли из комнат на улицу. Стали толпой, которая размахивает книгами. Мао сказал: "Наш бог - не кто иной, как народные массы Китая". Этому-то вы и страшитесь - что массы возьмут историю в свои руки... Мао был поэтом, бесклассовым индивидом, во многих важных отношениях зависевшим от масс, но одновременно существом высшего порядка.

Задайте лучше другой вопрос: сколько жертв? Сколько погибло во время Культурной революции? Сколько сгинуло в итоге Большого скачка? И ловко ли он спрятал своих мертвецов? Вот еще один вопрос. Что эти люди делают с миллионами павших от их рук?

- Бойня неизбежна. Кровопролитие всегда заставит с собой считаться. Повальная гибель, бессчетные мертвецы - вопрос лишь в том, где и когда это случится. Вождь - только посредник между историческими предпосылками и реальностью.

- Всякое закрытое государство для того и закрыто, чтобы скрывать своих мертвецов. Сценарий такой: ты предсказываешь, что, если твоя версия истины не воплотится в жизнь, будет много погибших. Потом ты убиваешь людей, чем больше, тем лучше. Потом ты скрываешь факт убийства и сами трупы. Вот для чего было изобретено закрытое государство. А начинается все с одного-единственного заложника, верно? Заложник - этот сценарий в миниатюре. Первая пробная репетиция массового террора».

Герой Делилло оперирует термином «закрытое государство». То есть, это герой, отштампованный американской пропагандой. Дело в том, что термин бессодержателен, его ввел Поппер, который не имеет никакого отношения к философии, а имеет отношение к фальсификации, передегериванию, мошенничеству, подробное доказательство – в моей статье «Карл Поппер и Карл Маркс»

<https://proza.ru/2022/07/06/578>

Так, к закрытым обществам относили СССР и Китай. В связи с закрытостью США ввели поправку Джексона-Вэника, согласно которой нельзя поставлять новые технологии странам, запрещающим выезд в США. Дэн Сяопин смеялся: «Мы готовы поставлять США ежегодно по 10 млн китайцев». Поправку для РФ не отменили даже тогда, когда сотни тысяч россиян уехали в США.

Теперь вспомним демократический цитатник (его повторял, как мантру, академик Сахаров на съезде ВС СССР): «Свобода слова, гражданское общество, толерантность, мультикультурализм, общечеловеческие ценности» и т.п.

«Он (Рашид, Б. И.) говорит:

- Мао считал вооруженную борьбу высшим и величайшим деянием человеческого разума...»

Казалось бы – нелепость, кто будет сеять хлеб, шить одежду, строить дома, океанские лайнеры, ускорители частиц, космические корабли... На самом деле здесь передегеривание.

1) Высшей формой классовой борьбы является вооруженное восстание.

2) Марксизм утверждает, что источником социального прогресса является классовая борьба. Это не значит, что реформы не могут быть прогрессивными, это означает, что классовая борьба освобождает путь развитию производительных сил.

«Насилие – повивальная бабка истории», говорит Маркс, но это не значит, что рождает насильник.

Ленин объяснял: диктатура пролетариата – не только и не столько насилие, это способность рабочего класса взять в свои руки всю экономику страны.

3) В конце 60-х в США прошли мощные забастовки против конвейерной обезлички, после чего во всем мире были внедрены неконвейерные системы с большим разнообразием труда, в Японии – система канбан. При этом существенно возросла производительность труда. Так классовая борьба привела к прогрессу.

4) Маркс лишь повторяет Гегеля: разрешение противоречия – приводит к синтезу, к возникновению нового. В том числе революции в науке – высшее деяние человеческого разума.

Если человек перестает быть рабом – это тоже высшее деяние человеческого разума. И души.

Но Рашид в изложении Делилло сводит прогресс к военным действиям.

«Люди затверживали его и декламировали, чтобы революция не сбилась со своего курса», - говорит герой романа.

Но это же чепуха. Революция – это историческая закономерность, революции происходят тогда, когда отжившие производственные отношения начинают мешать развитию производительных сил.

«Призывом к единению, кличем "Все в строй!", - и собирались толпы одинаково одетых, одинаково мыслящих. Разве вы не видите, как это прекрасно? Разве в повторении определенных слов и фраз не может быть красоты и силы?»

Разве американское общество – не общество абсолютно одинаково мыслящих? Все до единого верят в выборы, все верят, что Путин – мировое зло, верят, что первый космонавт – американец, а Гитлера победили США. Слова «Келтнер не спешит, легонько чиркает по мячу. Ого, ребята, ну и бросок! Как провод протянул!» Билл произносит как молитву.

Но где Делилло видел Китае одинаково одетых??

Делилло не понимает марксизм. Одинаково одетые – могут быть у Прудона, у уравнительных коммунистов, которых нещадно критиковал Маркс.

И никакого Большого скачка не было, в 70-е Дэн Сяопин начал перестройку. Именно расслоение крестьянства по доходам вследствие введения подворного наряда, именно легализация капитализма, именно обнищание миллионов крестьян привели к многочисленным жертвам.

С другой стороны, Делилло стерилен в истории своей страны: раскулачивание банками фермеров, о котором Стейнбек пишет в книге «Гроздь гнева», привело к гибели 8,5 миллионов американцев. Это больше, чем унесли сталинские репрессии и лишь немногим меньше, чем число жертв «культурной революции».

«Мао сказал: "Наш бог - не кто иной, как народные массы Китая". Этого-то вы и боитесь - что массы возьмут историю в свои руки... Мао был поэтом, бесклассовым индивидом...»

Делилло не понимает, что то же самое говорят и демократы, и республиканцы, все они говорят об избирательной системе как о власти народных масс. Оставим на совести Делилло и утверждение о бесклассовости Мао. Но разве буржуа не боится, что массы возьмут историю в свои руки?

Социализм, повторял Ленин вслед за Марксом – это живое творчество масс.

Теперь почувствуйте уровень интеллекта Делилло: дело в том, что ни в СССР, ни в Китае история никогда не была в руках масс. Она была в руках партий. Не было живого творчества масс, было творчество партийных элит и генсеков. Делилло снова пишет чепуху.

Наконец, о создании террористических групп тоталитарными государствами.

СССР, как и Китай, никогда и нигде не создавал террористических групп. Зато спецслужбы ФРГ систематически подталкивали левые группы к террору, а как только те сбивались на этот путь – их ликвидировали.

Делилло не знает, что такое маоизм. Это эклектика, это солянка сборная, не имеющая отношения к марксизму-ленинизму.

Единственный просвещенный маоизм, который немного знаком с марксизмом – российский, но это даже не организация, буквально единицы.

Маоизму приписывают практику создания террористического подполья и экспорта революции, но в истории ничего подобного не было. В ФРГ это вполне уважаемая организация, в Непале маоисты возглавляли правительство, в Аргентине маоисты контролируют движение безработных и получают от Конгресса деньги на помощь нуждающимся. Единственная организация, которая имеет отношение к терроризму – это маоистская компартия Перу, Sendero Luminoso. Китай не причастен к ее созданию. Партия не прибегает к систематическому террору, она ведет партизанскую войну. Пример теракта: сожжение завода «Байер», славившегося жестоким и несправедливым отношением к рабочим. Да, в Индии маоисты ведут вооруженную борьбу, но это не террор, это тоже партизанская война. Не записывает же Делилло в террористы Сапату или Че Гевару.

Делилло не может различить табличку и сущность. Рабочая партия Курдистана никакого отношения ни к рабочему классу, ни к марксизму не имеет, как не имеют никакого отношения к социализму Миттеран, Олланд и вся Социалистическая партия Франции. Если организация называет себя маоистской, это вовсе не значит, что ее члены хоть что-то знают о Китае.

Маоизм Сендеро Луиносо («Сияющего пути») никогда не был популярен и не имел поддержки большинства перуанцев. Крестьяне начали войну против партии, в 1992-м она фактически ушла с политической арены, хотя теракты продолжались до 2010 года.

Но именно США поддерживали террористическую Аль Кайду, один из ее лидеров, Бен Ладен, имел теснейшие связи с ЦРУ, когда же США его якобы искали в Афганистане в пещере Тора Бора, он лечился в одной из американских клиник.

И главное: ни о какой власти масс не может быть речи. Это снова грубая подтасовка. Речь может идти только о власти рабочего класса, цель которого – уничтожение самого себя, уничтожение обезличивающего труда.

«Несколько лет назад, в Германии, одна неонацистская группировка придумала лозунг "Чем хуже, тем лучше"», - пишет Делилло.

Одна из задач американской пропаганды – отождествить германский фашизм и сталинизм, хотя в Германии – нацизм, в СССР – интернационализм. Делилло следует в русле американской пропаганды. На самом деле лозунг был выдвинут Красными бригадами того периода, когда они уже ликвидировали тотальную коррупцию, вследствие чего поддержка масс ослабла, и организации скатились к террору. Кстати, эту присказку любил повторять Лех Валенса. Это старая китайская пословица, ее русский аналог – нет худа без добра.

«... рассказчик утверждал, что паром был обстрелян с суши, то вину он возлагал на шиитов - либо на просирийских, либо на проиранских; впрочем, нельзя было исключить, что стреляли произраильские христиане. А некоторые клялись, что стреляли непосредственно сирийцы».

Делилло судит о политике по сообщениям американских газет и телевидения. Он полностью следует пропагандистским штампам, ничего нового. Именно поэтому все рецензии – ни о чем. Если Делилло всё же пишет о событиях вокруг себя – рецензии тщательно исключают эти события из анализа, предпочитая говорить околелитературными образами.

Его память не отягощена победой советского народа над фашизмом: «... это старая советская "тридцатьчетверка", изгвазданный и израненный антиквариат, раз двадцать пять проданный и угнанный, сменивший много партий, режимов и религий».

Он политически слеп, его «Мао II» - социальная импотенция.